

глаза Незнакомки

ах какие глаза
окутанные тенями
отсутствующие
оживленные чуткие
окутанные снами
в этом взгляде сокрыто
всё полумрак и тайна
пола сотрясающие белую
шею сдавленные крики вдох
и выдох

мы сидим рядом дистанция
между нами растёт и твоя улыбка
таёт по пути ко мне
слегка невнимательный (забавный старик)
рассеянный (потерял очки)
пишет стишки
но я старый
охотник за бабочками
и жалкими пушинками
ещё ребенком и юношей
кончиками пальцев
я снимал пыльцу с голубых крылышек
вечной женственности

я поймал твою улыбку
слегка веселую
и взгляд
как осколок льда
как железо
раскаленное добела

я знаю ты как полевые цветы
моей кроткой юности
васильки волошки
с нами отплывает
далекое поле
закрытые глаза

tempus fugit
(повесть)

Мы шли и шли сквозь стужу
Ведь то было худшее время в году
для странствий и не столь дальних
Догорающие ночные костры, неприютность
враждебные города, угрюмые поселения,
грязные деревушки с безбожными ценами...
«вела ли нас та долгая дорога
к Рождению, или к Смерти?»

обитель брата Рышарда
лежащая на высоте
пятого этажа
вырублена в склоне Бетонной Горы
за окном Аккерманские Степи
тысячи домашних очагов
вспыхивают и гаснут

в обитель брата Рышарда
нет доступа недоумкам
известного
рода литераторам «артисткам»

перед концом света
я совершаю паломничество с братом Петром
на Аккерманскую Гору
mors certa hora incerta

в этом году нам составили компанию
Каспар Мельхиор и Бальтазар
но на улице Бонифация (римского папы?)
наши пути разошлись

...мы проходим по Кавказской приветствуем
Прометея
блуждаем по лабиринту улиц
но вот мы на месте
в преддверии чуда
(в этой стране чудеса повсеместны)

в механической корзине
невидимая энергия возносит нас
на восьмой этаж
мы спускаемся на пятый

тем временем роковая сила
превратила нас – жалких двуногих
в ангелов («липовых» – разумеется!)

мы часто сбиваемся
с пути
раз за разом нечистая сила отбрасывает нас
на первый этаж
в подвал а то и прачечную
мы спрашиваем у туземцев
а где обитель старца
Зосимы «здесь такой не проживает»
шепеляво отвечают они
но может быть вы знаете
на каком этаже квартира
Профессора Рышарда Пшибыльского
они смотрят на нас и говорят
что «не слыхали о таком»

немного погодя мы стоим
перед решеткой

решетка поднимается и вот мы уже
сидим в камере смертников № 20
которая (как пчелиные соты)
выложена из тысяч книг
мы улыбаемся молчим
не-вероятно

Рышард подносит к уху
трубку ладони говорите громче
со вчерашнего дня я плохо слышу

мы обмениваемся парой-тройкой общих
слов на тему ангелов
«призрачных существ» оживших
на картинах краковского мастера Ежи
тех самых призрачных существ
что витают над головой брата Рышарда
когда он спит бес-покойным сном

брат ты проспал рождение
нового Ангела-Хранителя
Святого Ангела Польши
я замечаю удивление не-доверие
на лице Рышарда

есть уже проект памятника
фонд номинация жюри
наступает гробовая тишина

Падшие

*ангелы
похожи
на хлопья сажки
на счеты
на голубцы начиненные
черным рисом
еще они похожи на градины
выкрашенные красным
на голубое пламя
с желтым языком*

*падшие ангелы
похожи
на муравьев
на полумесяцы врастающие
в зеленые ногти мертвецов*

*ангелы в раю
похожи на внутреннюю поверхность бедра
девочки-подростка*

*как звезды они
горят в интимных местах
непорочные как круги или треугольники
внутри которых
тишина*

*падшие ангелы похожи
на раскрытые окна морга
на коровьи глаза
на птичьи скелеты
на падающие самолеты
на мух обсевших легкие мертвых солдат
на струны осеннего дождя
связывающие губы с отлетом птиц*

*миллионы ангелов
странствуют
по ладоням женичины*

ни у одного нет пупка

*они набирают на швейных машинках
длинные поэмы в форме
белого паруса*

*их тела можно привить
к стволу маслины*

*они спят на потолке
ниспадая капля за каплей*

В камере № 20
среди осужденных я самый старший
сiju уже 83 года (как и
все живые я отбываю
пожизненный срок) – без шансов на
жизнь вечную смотрю в потолок

Рышард и Петр молчат
сколько тебе лет Рысек? я затеваю разговор
Петр тоже давно не мальчик
уже наверное седьмой десяток пошел?
мне 69 говорит Петр
69 волшебное число
есть даже такая эротическая
поза

у Петра есть мобильник электронная почта компьютер вирус
только он может управлять
авто-мобилем
и еще театром По Ту Сторону
(по ту сторону чего Петр?) он озабочен говорит
что Хёне-Вронский продал какому-то Французу
Абсолют

я разглядываю корешки
книг (Мандельштам Левинас...)

медленно раскрывается книга
за книгой
Петр говорит Рышарду
«знаешь, Тадеуш сказал мне сегодня
– по секрету – что теория Коперника
нанесла ущерб не только
церкви, люди
жили на плоской неподвижной Земле
и были счастливы

о движении небесных тел могли бы знать
только избранные... священники и политики»
Тут я вмешался
пожалуйста не говори этого ни Марысе
ни Хане ни Йоле ни Ане... ради меня

Земля была и остается центром Вселенной
человек единственное создание
создавшее Бога создавшего
человека

Рышард приложил трубку к уху
и прошептал

«монах который отсчитывал зерна съеденной
в течение дня фасоли, хотя и мечтал о том,
чтобы стать скорее ангелом,
в глубине души был занят лишь собственным телом»
я вздрогнул от волнения
в моей *Вршацкой элегии* памяти
поэта Васко Попа есть строчка
«идем обедать я люблю фаселевый суп»

но Васко умер
а Югославия развалилась
право-славным иконам
снова выкололи глаза
на Косовом Поле
бобы и фасоль мои любимые
зерна мы съели не одну тарелку
бобов с Мастером Ежи
... *фасолька по-бретонски*... в молодости
не было ничего вкуснее...
о дай мне, молодость, крылья
и я над мертвым взлечу мирозданием
с товарищами молодыми!

Рышард и Петр смотрели
друг на друга и на меня
я это он это ты ты это я (отголоски Левинаса!)
мы заговорили с Рысеком
о Мандельштаме и пани Надежде
об Анне Ахматовой о пересыльном
лагере Вторая Речка
я оседлал своего конька
говорил о Достоевском

об оправдании Веры Засулич
о Семеновской Площади
и о том как побывал в прошлом
году в крепости «Орешек»
в камере Валериана Лукашинского

на столе появилось красное вино
хлеб сыр я попросил воды
in vino veritas in aqua sanitas
в вине истина в воде здоровье

потом напустился на Левинаса
который «входит в моду» меня
возмутило... что он отнял у меня
«лицо» (с этим надо будет разобраться)

Петр знает о чем идет речь и даже
куда она может нас за-вести...

Все ненадолго замолчали потом
Петр описал нам сцену
которая «разыгралась»
много лет назад
в парижском кафе
между Ярославом Ивашкевичем
и неизвестной женщиной
которая сидела за столиком
одна и плакала
никто не обращал внимания
на это «обстоятельство»
быть может то было модное
кафе экзистенциалистов
членов «движения сопротивления» (о-го-го!)
коллаборантов
женщина плакала
не скрывая лица

Ярослав встал
подошел к женщине
склонился над ней
что-то сказал шепнул ей на ухо
обнял ее продолжая говорить

женщина перестала плакать
отерла слезы вышла

Ярослав вернулся на свое место
и сказал (Петру)

«когда кто-то плачет
надо иногда просто коснуться
обнять его»

Мы выпили по рюмке
красного вина

помните – сказал Рышард
как Ницше обнял за шею
лошадь извозчика
и заплакал... это было в Триесте?

Это было в Турине
и не совсем так
извозчик бил коня по голове
Ницше обнял истерзанное животное
и заплакал
wenige Augenblicke später
taumelte er von einem Gehirnschlag gerührt,
zu Boden
Ницше знал что лошадь
не станет говорить пошлости
не станет утешать

сверхчеловек и философ
искал утешения у лошади
а не у Платона
Рышард: над чем вы смеетесь?
Ницше сошел с ума но что
произошло с лошадью?
я знаю... лошадь
съели итальянцы они
едят польских лошадей и даже
жаворонков (я писал об этом в пьесе
Спагетти и меч) надо их
обратить в Христианство... всех...
Москву... Рим... Париж...

мы собирались говорить о Боге
я напомнил об этом
знаете что ответил Мицкевич
французскому писателю
который приглашал его в свой «Салон»

поговорить о Боге?

«я не веду бесед о Боге за чаем»

а ведь насколько это мудрее чем
ницшевское «Бог умер»

или слова Достоевского «если Бога нет
то все дозволено»

Nora est... промолвила Тишина

я верну Тебе Левинаса еще
до вылета из Варшавы

Бог нынче в моде Абсолют тоже в моде
Бога приглашают на телевидение
Бог Левинаса Бог Бубера
Бог Гегеля Паскаля Блоха
Хайдеггера Розенцвейга
в перерыве между аргентинской Мыльной оперой кофе и
чаем

Левинас думает что Бога можно
склонять по падежам
теологию заменили грамматикой

Левинас!
Левинас о том что он должен умереть
узнаёт от Янкелевича
если есть Бог кому нужна философия
философия Хайдеггера и Розенцвейга

Nora est... раздаётся молчание
(продолжения не будет)

но Петр потревожил водную гладь
и процитировал Гегеля шепотом
по-немецки
«es ist der Schmerz, der sich
als das harte Wort ausspricht
daß Gott gestorben ist»

старый поэт

Чеславу Милошу

он садится на скамейку
снимает очки
закрывает глаза

протирает очки
раскрывает газету окидывает взглядом мир
сворачивает газету встает

теряет равновесие
опирается на трость
читает надписи
на спинке скамейки

разговаривает на ходу сам с собой
и с мертвыми
поэтами

к нему подходят
две женщины
интересуются читает ли он библию
верит ли в ад
конец света рай на земле

он улыбается качает головой
на старости лет он больше любит
говорить с людьми
которые молчат

отойдя
садится на скамейку
смотрит на тучи

потом прилетает
ворон
проводит черным пером
по его устам
закрывает их
и улетает

Завтра я стану другим

это началось 28 сентября 1992 года

Завтра я стану другим

Да-да! завтра

итак завтра

принято решение

к которому я себя подготови

подготавлива... нет! не так! так нельзя

жить дальше

ближе и вообще

итак решение принято

я ведь себя к нему подготавли

т.е. подготавливаю

не подготавливаю а подготавливаю

столько лет подготавливаю

наконец сегодня я твердо

решил

что завтра стану другим

я так решил сегодня

когда проснулся

среди ночи

перед сном я прочитал

в какой-то книжице не помню названия

или это была целая книга

что есть два пути

хороший: по правой стороне вперед и вверх

плохой: по левой стороне назад и вниз

но сегодня уже поздно

переходить с левой стороны на правую

менять зад на перед тоже не просто

когда мне плохо я могу поменять местами

низ и верх это даже легче

сделать лежа в постели

чем сидя за столом или столиком

тем более на поэтическом вечере

«при свечах»

что может быть смешнее

в этой книге были еще

другие слова
добро зло
свет тьма
мудрость глупость
красота уродство
благородство низость
теплота холод
сила слабость

быть может автор философ или даже пророк
я не помню потому что заснул
и во сне натравливал как собак
эти слова на себя же

вся его высопарная болтовня
сводилась к одному
дескать я должен обменять зло на добро
тьму на свет
глупость на мудрость
уродство на красоту
низость на благородство
холод на теплоту
слабость на силу

если я этого не сделаю
то никогда не изменюсь
к лучшему

но я ведь не могу
сделать это в постели
засыпая

эта перемена
должна произойти не только во мне
ведь тогда ее никто не заметит
а раз не заметит
то я не буду знать что изменился

сам я вряд ли
замечу
что изменился
от худшего к лучшему

я слишком далеко отошел
от темы
вернемся к нашим баранам

возвращаюсь стало быть
к моим баранам
черным баранам
и белым баранам
и к первоначальному тексту
от 28 сентября 1992 года

я засыпаю и решительно
бес-поворотнo
(прошу простить мне такое деление
слова на две части но это так модно
и по-хайдег-геровски глубоко-мысленно
или по-хай-деггеровски –
Heide язычник Heide верещатник
Heide фигура
dür
Heide – moor –
Heide – angst heikel heil
когда я просыпаюсь мой синтаксис
ist nicht heideggerianisch)

так или иначе я заснул
твёрдо решив что уж завтра я
изменю-сь

ах! эта пресловутая «-сь/-ся»
у кого где когда черт возьми
я почерпнул
столько умных мыслей о частице «-ся»
что теперь мне это боком выходит
но решено
завтра я изменюсь

сегодня уже поздно
лежа в постели я не могу изменить-
ся
а тем временем эта «-ся» начинает
меня смешить так и моя решимость
может стать посмешищем
этого нельзя допустить
переворачиваясь с левого бока
на правый

мною овладели глубокие сомнения
разве я могу измениться в постели

я встал с кровати и сел
за письменный стол
«вот начинается новая жизнь»

Vita Nuova

это было 28 сентября 1992 года
(а сегодня уже суббота 7 ноября)
дело обстояло так:
я сказал (сам себе)
«завтра я стану другим»
тогда «некий Голос»
промолвил
«почему завтра
изменись сегодня
сейчас же»

всегда есть два варианта
можно измениться к лучшему
или к худшему

разумеется я хотел
измениться к лучшему

однако не изменился

вместо того чтобы читать «Короля-Духа»
я смотрел «Династию»

вместо того чтобы думать о спасении души
читал газеты

мне кажется
я никогда не изменюсь
в этой жизни

ведь уже начало лета
1993 года
а я... (впрочем это никого не касается)

Корабль призрак

дни стали короче
солнечные часы в дождь
остановились

санаторий выныривает
из туч
как огромный корабль

вода и лунный свет стекают
по колоннам черных деревьев

санаторий отплывает
в ноябрьские туманы

покачиваются
гаснут окно за окном
тонут во мгле
во сне

а внизу
под землей
дьявол топит старую печь
в «Пекле»

только не бойтесь
это просто ночная забегаловка
кафешка

спасшиеся и осужденные
раскрасневшись
вылизывают тарелки
с обьедками жизни

жар усиливается
и все кружится
в танце смерти
«um die dunkeln Stellen der Frau»

корабль призрак
садится на мель

я ничего о тебе не знаю

не знаю кого ты любила
не знаю каким была ребенком

ты молодая женщина
у тебя красивое лицо
в твоих глазах обещание
а на губах запрет

я не знаю что снилось тебе ночью
где ты была этим утром

ты опоздала
на твоих щеках румянец
отдышавшись
села за столик

появился кто-то третий

молодой мужчина
в кричащем свитере

ты ела с аппетитом
не то журек не то свекольник
я пообедал раньше
и пил чай
рисую пальцем сердца
на белой салфетке

Пани Марии
сегодня исполнилось 92 года
вчера она рассказала мне
как повстречала в поезде
Софью Андреевну Толстую
как видела царя Николая и Распутина
она так и не знает до сих пор
был ли у октябрьской революции
смысл
все-таки русская интеллигенция была
самой передовой в Европе
— пан Тадеуш, скажу это только Вам —
революция ее же
и сожрала
— пожалуйста не забудьте о газете
и молочных карамельках

– я написала статью о «Белом браке»
«Кто боится Ружевича»

идет снег
я думал
ты скажешь мне «до свидания»
но Ты болтаешь на лестнице
с этим типом

у меня была тяжелая ночь
черный ужасный день
мой сын слышал голоса
был похищен
бог явился ему в виде света
добрый спокойный мальчик
очутился внутри
Неопалимой купины

Истекая кровью
я шел сквозь стену снега
и слышал голос
«mein Vater, mein Vater, und hörst du nicht,
was Erlenkönig mir leise verspricht?
Sei ruhig, bleibe ruhig, mein Kind!
In dürren Blättern säuselt der Wind...»

в городе
по которому бродит белый медведь
где я слышу пение Кекуры
«la donna è mobile»
где живут белые медведи
которые пьют водку и говорят «вот курва!»
а когда они открывают пасть
мы видим фиолетовое
как денатурат лицо
соплеменника

Утратив чувство реальности
облепленный мокрым снегом
я шел вперед
шел на все четыре
стороны

вот и всё
моя далекая близкая
и навеки

чужая

Элегия

памяти Ч.М.

без пяти двенадцать!

сам себе говорю тебе бы
давно пора написать Элегию
о вине и хлебе

хотел было отвертеться ответить
в рифму «успею еще на небе»
но от стыда провалился
под землю

в кротовую нору я здесь так давно
что уже не помню
значения слов
женщина песня вино

лишь этот черный бугорок
на зеленом поле
хранит мой пот труд моих рук
и помнит мое горе
мой памятник тоскующий
о солнце и о воле

но что стало с нами?
спорщиками друзьями
ты умер тебе все равно
с кем я сейчас и где я?
что ж если так надо
я сброшу старое платье Орфея
и стану
лопатою